

«Какова ситуация на объекте Endpoint?»

Тоцука связался со своим адъютантом по линии связи, но услышал только панический и растерянный голос на другом конце: «Н-нет, совсем не хорошо! Туман слишком густой! Многие люди потеряли сознание после его вдыхания — сначала люди падали как мухи на улице, а теперь и те, кто находится в помещении, тоже начинают падать! Ч-что нам теперь делать?»

Влага конденсировалась на окнах, образуя тонкий туман, который при ближайшем рассмотрении напоминал мелкие капельки, затуманивая все вокруг.

Туман проникал через незакрытые двери и окна, с каждой секундой становясь все гуще. В мгновение ока даже коридоры стали неразличимы, а пейзаж превратился в безликую белую пустоту.

«Сохраняйте спокойствие», — Тоцука задержал дыхание. «Запустите аварийные протоколы в конечной точке. Сначала запечатайте все проходы, активируйте внутреннюю систему циркуляции синтетического воздуха и попросите членов команды с противогазами помочь тем, кто находится снаружи, — но только если это безопасно».

Это было не обычное погодные явление.

Прервав связь, Тоцука заставил себя ясно мыслить. Он был хорошо знаком с данными об окружающей среде Дикен Стар — такой густой туман в это время года был невозможен.

Кроме того, туман несла странно приятный, опьяняющий, тошнотворно-сладкий запах — он напоминал ему что-то сладкое и мягкое...

Хм... он хотел продолжать вдыхать его.

«.....»Он сошел с ума?

Тоцука сильно ударил себя по лбу. Острая боль помогла прояснить его затуманенный разум.

Чувствуя, как его мысли становятся вялыми, а зрение — мутным, он с трудом собрался с мыслями и связался с маршалом.

Звонок соединился после двух миганий.

В конференц-зале...

Хелунен вел переговоры с лидером народа дикенцев по поводу их переселения.

Лидер настаивал на том, чтобы взять с собой всех дикенцев — в противном случае они отказывались покидать Дикен стар.

Это было решение, которое они тщательно обдумали.

Однако это требование явно нарушало протоколы Федерации по переселению населения пострадавших планет, что замедляло прогресс в переговорах.

Хелунен поднял руку, его коммуникатор замигал красным цветом, сигнализируя о приостановке встречи, а затем ответил на звонок.

Через мгновение он встал и обратился к лидеру дикенцев и его свите: «Приношу извинения, но я должен заняться срочным делом. Мы возобновим обсуждение позже».

Коридор был обставлен узкими бронированными смотровыми окнами, через которые был виден мир, теперь окутанный туманом. Люди больше не могли видеть друг друга, как будто они оказались на изолированных островах в тумане.

Высокий уровень психической устойчивости Тоцуки был далеко не низким, но даже он не смог противостоять влиянию тумана после его вдыхания — его речь стала бессвязной. Это был не обычный туман.

Он поспешил в командную комнату, чтобы оценить ситуацию.

В тот момент, когда сотрудники командной комнаты увидели его, они инстинктивно пошли отдать честь, но Хелунен остановил их жестом.

Из окон командной комнаты открывался панорамный вид на всю конечную точку — идеальная обзорная точка. Глядя на сцену внизу, он слушал, как они докладывали о текущем положении дел.

Водяной пар окутывал конечную точку, как облако, и командная комната казалась парящей в тумане.

Увидев это, Хелунен вспомнил стихотворение, которое он когда-то прочитал в архивах древней планеты:

Старый моряк вел свой корабль по океану, когда со всех сторон поднялся галлюцинаторный туман, превратившийся в густой туман. По мере того, как туман становился все гуще, экипаж терял ориентацию в пространстве, не в силах отличить верх от низа. Корабль плыл, как будто дрейфуя в море тумана — небо и вода были поглощены бесконечной белизной. Судно стало одиноким плавучим островом.

Но никто не беспокоился. Морской бриз уносил туман, окутывая мир тишиной. Их умы становились легкими, тела — невесомыми. Все казалось безмятежным, все проблемы были забыты — как будто они лежали в объятиях матери, убаюканные безграничной белизной. Даже если остров пошел бы ко дну, это уже не имело бы значения.

Потерянные в вихрящемся тумане, они видели галлюцинации, в которых их манила красота. Туман сгущался, их зрение затуманивалось. Молодой матрос, одурманенный песнями сирен, упал за борт. Старый матрос, отчаянно глотая горькую контрабандную водку, чтобы не заснуть, в бреду мельком увидел стройную фигуру, сидящую на бледно-серых скалах.

Этот туман был удивительно похож на тот, который описывался в архивах.

Туман нес в себе опьяняющую приятную ауру, вызывая даже у самых закаленных ветеранов сражений мечтательные улыбки, а их глаза становились стеклянными, когда они жаждали погрузиться в сладкий сон.

Хелунен посмотрел на густой туман, а затем высвободил свою необузданную психическую силу — бурную энергию, которая мгновенно охватила всю конечную точку.

Как бушующая буря, его психическая сила ревела, вызывая циклонические ветры, которые разрывали землю.

Туман над головой постепенно рассеялся, распутываясь, как нить с космической катушки.

Тоцука, упираясь в стену и стиснув зубы так сильно, что заняла челюсть, боролся, чтобы противостоять усыпляющему воздействию тумана, когда внезапно на него обрушилась подавляющая психическая сила.

Его ноги подкосились, и он едва не упал на колени. Холодный пот залил его лоб и спину, кости скрипели от напряжения. Волосы, заряженные статическим электричеством, встали дыбом.

Но это также полностью пробудило его.

Такая подавляющая психическая энергия могла принадлежать только маршалу.

Доминирующая сила окутала Конечную точку, как гигантское чудовище, нависающее над муравьями. Те, кто поддался сну, проснулись под ее сокрушительным весом, дрожа от страха и благоговения.

Задыхаясь, Тоцука вытер пот дрожащей рукой, с трудом пытаясь встать, несмотря на ощущение, что его позвоночник сломан. Стекло было теперь покрыто конденсатом — снаружи туман поднялся, свинцовые облака расступились, как театральные занавесы, открыв кристально чистое небо.

В командной комнате царила мертвая тишина, ее обитатели были бледны и с трудом дышали, как будто задохнулись. Tактические дисплеи мигали неровно.

Только когда Хелунен отозвал свою психическую энергию, они задохнулись, как рыбы, лишенные кислорода, и в отчаянии падали на консоли.

Взгляд Хелунена переместился на южный сектор.

Туман ушел из тропического леса, но истинный источник психически контролируемого тумана

находился в другом месте.

В этот момент дверь командной комнаты распахнулась. Тоцука вошел, шатаясь, с бледным лицом: «Сэр... Состояние маленькой русалки, похоже, довольно нестабильно... *кашель*».

Только что высвободив свою силу, Хелунен медленно повернулся, и в его ртутных глазах все еще мерцала слабая красновато-коричневая искра. «Объясни».

Встретив его взгляд, Тоцука задрожал под давлением и едва не снова не сдался. Дрожащей рукой он отдал честь и доложил: «Докладываю, сэр... Я связался с охранниками. Они тоже потеряли сознание, но, проснувшись, проверили состояние русалочки... и сказали, что с ней что-то не так. Чешуйки на ее хвосте тускнеют...».

Его голос затих, когда он опустил голову.

После короткой паузы Хелунен вышел, его голос был тверд, как закаленная сталь, и отдал приказ в командную комнату: «Соблюдайте протоколы чрезвычайных ситуаций. Прервите внешнюю связь — никаких утечек информации о ситуации здесь. Направьте отряды один и два для осмотра всего персонала, находящегося без сознания. Все остальное подождет до моего возвращения».

Командный состав: «Понятно».

.

Всю дорогу Тоцука испытывал сильное беспокойство, его сердце колотилось так, как будто пыталось вырваться из груди.

Он отчаянно молился, чтобы с русалочкой ничего не случилось.

Когда он увидел испуганные выражения лиц охранников, их дикие глаза и влажные руки, его сердце забилося в горле.

Это означало, что она все еще не проснулась.

Холодный пот промочил ему спину, когда он осторожно взглянул на маршала.

Выражение лица Хелунена оставалось спокойным, казалось, что он не затронут происходящим, но Тоцука не мог избавиться от предчувствия, что, если с Русалочкой действительно что-то случилось, последствия будут... катастрофическими.

Последствия выйдут из-под контроля.

Хелунен вышел в коридор. Комната была покрыта росой и конденсированным туманом, а в руках охранника лежал бледный маленький комочек.

Крошечное существо свернулось хвостом, как подушка моти, обнимая кончик хвоста, как будто мирно спало, не обращая внимания на их приход.

В тот момент, когда Хелунен увидел маленькую русалку, его ментальная энергия снова начала бурлить.

Из-за того, что он ранее использовал ментальную энергию, теперь она временно ускользала из его рук.

Он не осмеливался подойти к маленькой русалке, сохраняя дистанцию.

Прижав руку ко лбу, он попытался успокоить хаотичную энергию.

Его ментальная энергия теперь была в руинах, изношенная и хрупкая — если ее постоянно не подавлять, она могла взорваться в любой момент.

Но вид маленькой русалки, лежащей без движения и без сознания, снова и снова заставлял его нервы загораться, как трещина, распространяющаяся где-то, делая невозможным успокоить его ментальную энергию.

Грозовые облака снова окутали небо конечной точки, поднялся сильный ветер, плотные слои облаков заблокировали даже малейший лучик света.

Тоцука, пропитанный потом, отчаянно пытался уговорить его, но Хелунен уже не слышал его.

Его ментальная энергия вздымалась, как бурные волны, поглощая небо, непрозрачная волна, угрожающая разорвать все на части, готовая обрушиться.

Затем, в мгновение ока, она замерла — маленькая русалка протерла глаза, проснувшись, ее ушные плавники и плавник-вуаль мило трепетали, как будто она искала знакомый звук.

С затуманенными глазами, увидев знакомую фигуру недалеко от себя, она инстинктивно протянула маленькую ручку к Хелунену.

«Мммм». Объятие.

Ментальная энергия, словно освобожденное чудовище, внезапно была сдержана.

Ветер утих, темные облака рассеялись в мгновение ока, а корчащиеся тени за Хелуненом замерли.

Он поднял маленькую русалку на руки.

Тоцука выдохнул дрожащим дыханием.

Держа маленькую русалку, Хелунен проверил ее состояние. Ее тело было вялым, температура тела ледяной — хотя русалки и так были прохладными на ощупь, но никогда раньше не были такими холодными, как будто он держал в руках лед. Даже ее хвост, который обычно любил обвиваться вокруг его пальцев, безжизненно свисал.

Его глаза были холодны, как лед, но, чтобы не напугать маленькую русалку, он сохранял нейтральное выражение лица. «В медицинский центр. Сейчас же».

Ло Ци чувствовала только невероятную сонливость. После дневного сна Хелунен пришел за ним.

И, что удивительно, Хелунен не передал его Тоцуке, чтобы тот нес его — он держал его сам, и его жгучее тепло согревало окоченевшее тело Ло Ци.

Не в силах сопротивляться, Ло Ци уткнулась глубже в его объятия, его спокойная внешность скрывала быстрое биение сердца, которое она слышала в груди Хелунена — *луб-дуб*, *луб-дуб*... как ее любимые разбивающиеся волны.

Биение сердца звучало так приятно.

Ресницы маленькой русалки затрепетали. Все еще полусонная, не полностью проснувшейся, она не заметила необычного состояния Хелунена, только инстинктивно ища утешения в его объятиях.

Но в тот момент, когда она подняла свое маленькое личико, Хелунен прижал ее к своей груди, не давая ей увидеть тлеющие ржаво-красные глаза, которые наверняка напугали бы любого, кто бы их увидел.

Хелунен пытался успокоить свое колотящееся сердце, чтобы Ло Ци не почувствовала ничего подозрительного.

Ло Ци смутно вспомнила, как раньше смотрела фильм, а потом заснула в печали, и фрагменты этих документальных фильмов мелькали в ее голове.

Но она все еще помнила, что хотела утешить Хелунена, сказать ему, что он ей нравится больше всего.

Маленькая рыбка зевнула, морща свой крошечный нос, и прижалась к груди Хелунена с тихим вздохом. Ее пухлые маленькие кулачки крепко сжимали воротник Хелунена, как прилипчивый котенок, терся о него, а его мягкий голосок сладко бормотал: «Как...»

Слабое дыхание маленькой русалки на его груди щекотало его кожу. Когда Хелунен мчался к медицинскому центру, его внимание на мгновение отвлеклось, и он не услышал шепота.

Ло Ци снова погрузилась в сон, потеряв уставшие глаза, прежде чем прислонить свою маленькую головку к запястью Хелунена. Она приподняла свои пухлые, кремово-бледные щеки, уткнувшись носом в ладонь Хелунена, как котенок, и пробормотала: «Нен... нравится...»

Глаза Хелунена замигали, его внимание было успешно отвлечено.

Он был удивлен, что маленькая русалка научилась говорить, и его пронзила боль сожаления о том, что он пропустил ее первые слова. Но эти слова...

Он ровно пробормотал: «Кто тебя этому научил?»

<http://bllate.org/book/15086/1332828>